

Ирина Коновалова

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ГЕРМЕНЕВТИКЕ АВГУСТА БЕКА

В современной научной литературе существует много исследований о герменевтике, о видах интерпретаций как текстов (в узком смысле слова), так и самой жизни («духовно-исторического мира», бытия), о видных деятелях в этой области знаний. Однако довольно часто остаются без внимания ученые, которые так или иначе, оказали влияние на развитие герменевтического метода, его основных принципов (хотя может быть, и не были в полной мере «герменевтами»). К таким людям относится немецкий филолог-классик, историк Август Бек. Свою долгую жизнь он посвятил изучению культуры античного мира¹. Но для данной статьи главным является его труд «Энциклопедия и методология филологических наук», который изначально представлял собой курс лекций, читавшийся Бекем в течении 56 лет (!). В этой работе Бек дал тонкое и оригинальное объяснение сущности филологии как единой области знаний и разработал ее методологический аппарат, в основание которого легла герменевтика. В соответствии с этим предмет герменевтики и ее задачи меняются по сравнению с предыдущим развитием.

Надо отметить, что при изучении истории герменевтики можно заметить определенную тенденцию к расширению границ ее предмета и задач; от истолкования только сакральной литературы – к истолкованию художественной (научной) литературы, древних памятников искусства – до истолкования жизни и всего бытия.

Герменевтика А. Бека была одним из этапов, и довольно важным, при этом раздвижении границ. Соответственно, эта статья может послужить изложению герменевтического метода в рамках классической филологии у Бека, а проблематикой этой статьи будет рассмотрение предмета и задачи герменевтики в ее связи с филологией.

Итак, вернемся в то время, когда герменевтика, как определенные правила и пути истолкования текстов, только зарождалась.

В античности и средневековье герменевтика не являлась особой дисциплиной. Одной из причин этого было отсутствие разделения между практикой истолкования и его методикой.

Ренессанс вызывает к жизни новое отношение к античным авторам и их произведениям; «попечение о букве и духе классических текстов, их языковой исправности и подлинном смысле ... поставили в порядок дня разработку искусства истолкования...» [6, с. 238]. Вследствие этого появляется различие между *hermeneutica sacra*, занимающейся истолкованием текстов Священного Писания, и *hermeneutica profana*, предметом которой являются произведения античных авторов. Когда

объем текстов, относящихся к «профанной герменевтике», стал увеличиваться, начали появляться труды по общим правилам и средствам истолкования. Сначала это было предпринято И. К. Данхауэром в его труде «*Hermeneutica sacra*» (1654). Данхауэр мыслит герменевтику как науку об интерпретации и «...при ее наречении, – как поясняет Х.-Е. Хассо Йегер², – отправляется не от иудео-христианской экзегетики, а от комментариев... к произведениям Аристотеля и медицинским трактатам Галена, а также от юриспруденции...» [6, с. 235]. После появляются «Введение в истинное истолкование разумных речей и писаний» И. А. Хладениуса (1742), «Опыты всеобщего искусства истолкования» Г. Ф. Майера (1756).

Однако свой расцвет герменевтика переживает в кон. XVIII–XIX вв. Развивающимся гуманитарным наукам требовалось методологическое обоснование, и этим обоснованием могла послужить герменевтика. Этими науками, в первую очередь, были классическая филология (Ф. А. Вольф, Г. А. Ф. Аст, А. Бек), история (Б. Г. Нибур, Л. фон Ранке, И. Дройзен), литературоведение (Авг. и Фр. Шлегели, Новалис), философия и теология (И. А. Эрнести, Ф. Шлейермахер).

И. А. Эрнести, как интерпретатор Нового Завета, внес вклад в развитие теологической герменевтики на пути к универсальной теории истолкования. Эрнести, в определенном смысле, отказывается «...не только от давления верховной санкции церковной догмы, но и от неустойчивости здравого смысла» [8, с. 225].

Такой отказ несет особое значение для *будущей* практики и теории интерпретаций. Чем более глубоким, обширным и разносторонним является предмет герменевтики, тем большей свободы он требует при его истолковании (главенство санкций церковной догмы такую свободу не предполагает).

Эрнести полагает, что, занимаясь истолкованием Священного Писания, в первую очередь нужно обратить внимание на значение слов, подлежащих пониманию; дисциплиной о слове является филология. Вследствие этого между теологией и герменевтикой появляется филология, а также история. Толкование текста Библии требует, в первую очередь, грамматической и исторической интерпретации.

После Эрнести ученый Г. А. Ф. Аст к грамматической и исторической интерпретации добавил духовную. Он требовал от филолога, чтобы тот был, в определенной мере, философом и эстетиком. Кроме простого исследования слов и букв, филолог должен уловить пронизывающий их дух. Вследствие того, что каждая наука имеет своим основанием определенную идею, несет в себе свой дух, филология, впитавшая в себя философское сознание, перестанет быть обыкновенной техникой и ремеслом.

Несмотря на то, что Эрнести и Аст внесли вклад в развитие герменевтики, они в своих рассуждениях об истолковании не отходили от

содержания того, что подлежало пониманию, а таким содержанием было единство антично христианской литературы. Для них не возникало *проблемы понимания*, а герменевтика не считалась самодовлеющей дисциплиной.

Цель – разработку общей герменевтики и обоснования ее как самостоятельной области знания, поставил перед собой философ и теолог Ф. Шлейермахер. Он «...ищет единство герменевтики *уже больше не в содержательном единстве традиции*, к которому должно быть применено понимание, а в отрешенном от всякого содержательного обособления единстве способа действия...» [4, с. 226]. Исходя из того факта, что феномен понимания, носит универсальный характер, такой же универсальной должна стать герменевтика, как учение о «взаимосвязи правил понимания» (или «искусство понимания»). Цель этого учения состоит в прояснении условий возможности понимания текста.

«...Каждый человек есть, – говорит Шлейермахер, – с одной стороны, то место, в котором данный язык принимает самобытную форму, и человеческую речь можно понять только, исходя из тотальности языка. С другой стороны, человек есть постоянно развивающийся дух, и его речь можно истолковать только как факт духовного развития, взаимодействующий с прочими» [3, с. 72]. В соответствии с этим Шлейермахер выделяет две стороны толкования (или понимания): грамматическую и психологическую.

Дальнейшее развитие герменевтики, так или иначе, будет связано с учением Шлейермахера, несмотря на отсутствие определенной базы (неразработанность «понимания», «значения», «смысла») как у него, так и у последующей герменевтики. А. Бек называл герменевтику Шлейермахера «совершенную, начертанную мастерской рукой системой» и, подчеркивая свою зависимость от его идей, констатирует, что в собственном изложении он уже «не в состоянии различать свое и чужое» [8, с. 254].

После Шлейермахера герменевтические методы начинают усиленно применяться в изучении художественных и исторических текстов. Возникает это в связи с критическим подходом к историческим источникам, потребностью в их интерпретации; а также в установке на то, что «произведения прошлого в истолкованиях позднейших восприемников приобрело многосмысленность, которой первоначально в замысле автора не было» [5, с. 35]. Герменевтика, поэтому, должна была ориентироваться на устранение этой многосмысленности.

Эмпирическая герменевтика (герменевтика, служащая практическим наукам, не занимающимся проблемами философского характера) связывается теперь с филологией (А. Бек, Ф. Бласс, Т. Бирт) и историей (Л. фон Ранке, И. Дройзен).

* * *

Особый и оригинальный вклад в развитие филологии и герменевтики внес Август Бек. Основным принципом его филологии является «Erkennen des Erkannten» – «познание познанного»³. Каким образом Бек к этому приходит?

Бек полагает, что для того, чтобы показать место и значимость филологии в системе знаний, ее нужно сравнить с философией (так поступал и Шлейермахер). Всю науку в ее целом можно представить как философию, задачей которой является образование идей. Мир можно рассматривать с двух точек зрения: с материальной (необходимость) и с идеальной (свобода). С первой точки зрения смотрит на мир физика (как совокупность естественных наук), а со второй этика (как совокупность нравственных наук). Бек поясняет, что филология в определенном смысле обнимает эти две дисциплины, хотя не принадлежит собственно ни к той, ни к другой.

Филолог не производит физические опыты, не выдвигает физических теорий, не создает философии природы. «Продуцировать в области натурфилософии не входит в задачи филолога, но он должен знать и понимать, что производится в этой науке...» [10, с. 215]. Таким образом, филолог будет заниматься сочинениями естествоиспытателей, историей физики. Это же можно отнести и к этике; филология не занимается собственно явлениями нравственной области, но исследования теорий политики и искусства находятся в ее прерогативе.

Какая же задача может стоять перед филологией исходя из этого? Бек в своей «Энциклопедии и методологии филологических наук» говорит: «Собственная задача филологии состоит в том, чтобы познавать то, что произведено духом или, что то же, – познано им. Филология всюду предлагает данное, уже готовое знание и затем вновь познает его» [1, с. 12].

Произведенное человеческим духом всегда есть познание; познанием для Бека являются все виды деятельности духовной жизни: мышление, воображение, чувства, воля. Всюду, где действиям и поступкам людей предшествует сознание, в любой форме, – всюду здесь присутствует познание. Все, что происходит, в общественной и частной жизни, все произведения искусства, предметы быта и т. д. будут продуктами познания и вследствие этого предметами филологии. «Вся не чисто физическая, но нравственная и духовная деятельность народа есть выражение определенного познания, потому что во всем отпечатываются представления или идеи» [1, с. 13].

Как мы видим, область филологии, заданная Беком, очень обширна (прошедшая деятельность духа или история сознания). Мало того, ставя

перед филологией задачу: познания познанного (Erkennen des Erkannten), он тем самым поднимает филологию, в определенном смысле, на один уровень с философией. Если философия познает весь мир в целом, то филология познает то, что уже познано; то, что человеческий дух, осваивая мир, смог и успел неким образом зафиксировать. Таким образом, всякая история знаний будет считаться филологичной. Мало того, Бек полагает, что история есть тоже, что и филология, т. е. познание познанного⁴.

Это определение Бека, как и соотношение филологии и истории, оказывало некоторое время влияние на последующих филологов и герменевтов. Так, к примеру, Ф. Бласс, не соглашаясь вполне с А. Беком по поводу связи филологии с историей, однако пишет: «...филология имеет дело с произведениями человеческого духа...» и потом добавляет: «Исторически продуцированное есть духовное, которое перешло в дело» [2, с. 80–81].

Немецкий ученый Т. Бирт в своей работе «Критика и герменевтика», рассматривая методы классической филологии, писал: «Филология есть охват (Erfassen) всего того, что было когда-то в области человеческой культуры; она есть реконструкция былых человеческих культур» [7, с. 83]. Однако, филолог для него тот, кто разрабатывает бывшее (das Gewesene), историк – совершившееся (das Geschehene). Если филолог рассматривает отдельные факты и явления, то историк пытается установить их причинно-следственную связь.

Другой немецкий ученый конца XIX–начала XX вв. Г. Узенер, соотношение между филологией и историей несколько изменил. Он считал, что филология является методом исторической науки, методом основополагающим и принципиальным; «только она при своем знании языковой формы обладает последним ручательством за правильное понимание переданного материала» [7, с. 84].

* * *

Филологическая методология, как мы видим, имеет особое значение в системе знаний. Как ее определяет сам Бек? Если принципом филологии является познание познанного, то этим вторичным познанием будет понимание. Филология должна исследовать акт понимания. Однако всестороннее исследовать его она не может, – это задача философии. Но филология может пользоваться в своей методологии уже, так сказать, «готовым» учением о понимании, заимствованным у философии. В филологии выделяется формальная дисциплина – герменевтика, которая занимается вопросами, связанными с пониманием.

На филологическую методику можно смотреть, как на «теорию познания познания, т. е. как на теорию понимания *вообще*» [9, с. 213]. Изложение теории понимания составляет первую, или формальную часть

науки, филологический органон, в который входит герменевтика и критика. Герменевтика должна анализировать акт понимания, должна включать в себя развитие законов понимания. К сожалению, кроме постановки проблемы Бек дальше не идет. Он не занимается анализом понимания, и, скорее всего потому, что считает достаточным то, что нашел у Шлейермахера в отношении понимания.

Сферой герменевтики, в которой должен происходить анализ понимания, является сообщение. Бек говорит: «Так как в филологии везде предполагается некоторое данное познание, то она не может существовать без сообщения. Человеческий дух сообщает о себе во всякого рода знаках и символах, но адекватнейшее выражение познания есть речь» [9, с. 218]. Утверждая важность сообщения, Бек тем самым еще раз подчеркивает право филологии находиться на одном уровне (на одной линии) с философией. Он утверждает: «... без сообщения дело науки вообще и даже жизни обстоит бы плохо, так что действительно филология является одним из первых условий жизни, стихией (ein Element), которая находится как нечто первоначальное в глубочайшей природе человека и в цели культуры. Она покоится на основном побуждении образованных народов; *philosophieren* может и необразованный народ, но не *philologieren*» [9, с. 220].

Человеческое сознание проявляет себя в неких сообщениях, и в границах этих же сообщений будет осуществляться понимание. Нужно отметить, что Бек применяет понятие «сообщения» к довольно обширной области деятельности человека. «Сообщаемое при всем своем многообразии, во всяком случае, или является *знаком* познанного, т. е. отличным по форме от последнего, как всякое словесное сообщение, письмо, музыкальные ноты и т. д., или оно есть образ (ein Gebilde), который по форме *согласуется* с тем, что им выражается, как, например, произведения искусства и техники, данные в непосредственном созерцании жизненные условия и т. д.» [1, с. 27].

Объяснить это можно так: знаки (буквы, слова), при помощи которых человек пытается выразить свои мысли, по своему внешнему виду отличны от неких идей, мнений человека, от его духовной жизни. Тогда как, например, статуя (являющаяся образом), похожа на идеал, бывший в воображении художника.

Истолковать знаки и образы, в которых выражается деятельность, является *задачей герменевтики*. По данным знакам и образам нужно определить и воспроизвести то содержание, которое было задумано их автором.

Если бы А. Бек положил в основу разделения видов интерпретации различие между знаками и образами, то понятно, что это деление находилось бы в другой плоскости, нежели разделение интерпретации на грамматическую и психологическую у Шлейермахера. Однако Бек этого

не делает; в своей энциклопедии он ограничивается теорией истолкования только письменных источников.

А. Бек утверждает, что: «для понимания и его выражения, истолкования существенно *сознание* того, чем *обуславливается* и *определяется* смысл и значение сообщаемого или передаваемого» [9, с. 214]. Сначала кажется, что для понимания существенно не знание смысла, но знание условий существования этого смысла; до условий смысла нет, смысл представляет собой идею. Но как отделить одно от другого на деле? Мы можем видеть идею, но не познавать (понимать) ее.

На самом деле, для Бека смысл и значение является не идеями, а представлениями (представление как особого рода познание какого-либо явления). Познание отображается в сообщении. Соответственно, речь идет об условиях осуществления сообщения. Условия могут быть как объективными, так и субъективными; отсюда и разделение герменевтики.

Бек разделяет герменевтику на четыре вида, или способа истолкования:

1) истолкование посредством определения собственного или объективного значения слов и выражений или грамматическое изъяснение;

2) истолкование посредством определения исторических условий и обстоятельств, или историческое изъяснение;

3) истолкование посредством определения тех видоизменений, которым подверглось собственное значение слова под влиянием личности писателя или индивидуальное изъяснение;

4) истолкование посредством определения цели и требований того литературного рода, к которому относится данное произведение, или родовое изъяснение.

I Понимание из объективных условий есть понимание (1) из смысла слов самих по себе – грамматическое и (2) из смысла слов в их зависимости от исторических обстоятельств – историческое. Нужно понять каждый элемент языка, само слово, его грамматические и синтаксические формы, в его основном значении, в специальных условиях времени и сферы его применения и смысл данного слова в его «языковой обстановке».

Всякое сообщение, однако, обусловлено историческими реалиями, оно появляется в определенной «реальной обстановке». Грамматическое истолкование, таким образом, переходит в историческое. Вообще историческое истолкование является необходимым тогда, когда грамматическое само по себе не в состоянии определить объективное значение слова.

II Понимание из субъективных условий есть понимание (1) из субъекта самого по себе – индивидуальное истолкование и (2) исходя из цели и направления сообщения, определенное автором – родовое истолкование.

Хотя собственное значение слов установлено общим употреблением, но в выборе и сочетании слов, в связи мыслей и в расположении их

принимает участие личность писателя. Индивидуальный стиль лучше всего проявляется в расположении и сочетании частей сочинения, или в способе его композиции.

Но с другой стороны, каждое сочинение принадлежит к тому или иному литературному роду, который влияет на произведение писателя, делает обязательным правила и требования этого рода.

С помощью всех указанных типов интерпретаций можно достигнуть более или менее верного понимания письменных сообщений. Эти типы интерпретаций являются условиями понимания.

Остаются открытыми вопросы: 1) что такое понимание само по себе; 2) насколько вообще возможно адекватное понимание (познание) прошедшей деятельности сознания ⁵; 3) есть ли потребность в дополнительных видах истолкования, исходя из того, что объектом классической филологии является культура античного мира.

* * *

Что можно сказать в заключение? В первую очередь при изучении филологии Бека заметно несоответствие поставленных задач перед филологией и их выполнением.

Бек не делает анализа понимания, но может и не стоило от него, как филолога, ожидать этого. Хотя, если бы он был последователен в своем методе, он бы показал виды понимания, в зависимости от предмета изучения.

Несмотря на эти минусы, нужно отметить, что Бек заметил проблему понимания для филологии и герменевтики (с разрешением которой филология могла приобрести философское значение), а также провел различие в предметах изучения филологии, вследствие которого должны были бы появиться особые виды интерпретаций.

Я считаю, что своими рассуждениями в области герменевтики Бек задал определенное направление мысли для будущих исследователей. Филология по своему существу не относится собственно ни к физике (материальное), ни к этике (идеальное), хотя и охватывает эти области знаний. Соответственно и герменевтика не должна иметь своим предметом только нечто материальное или духовное, а то, что включает в себя обе стороны.

Как мы можем видеть, герменевтика А. Бека дала толчок к дальнейшему увеличению и расширению изучаемой ею области, к изменениям задач, стоящих перед ней, и ее предмета.

Примечания

¹ Надо упомянуть его сочинение о Платоне, критическое исследование о трех великих трагиках, трактат о стихосложении Пиндара, книгу

«Государственное хозяйство афинян», которая открыла собой новую эпоху в изучении народнохозяйственных и политических условий древнего мира. Бек в свое время обратил серьезное внимание на важность изучения древних надписей как достоверного свидетельства античной жизни, и первый составил свод греческих надписей, открытых в его время, – «Corpus inscriptionum graecarum».

² Не путать с В. Йегером – нем.-амер. историком философии.

³ Некоторые исследователи переводят как «изучение чужих знаний», что не совсем адекватно оригиналу.

⁴ А. Бек поясняет этот факт несколько туманно: «... исторические факты сами по себе суть познания, потому что они заключают в себе идеи, которые историк должен познать вновь» [1, с. 14].

⁵ «... вся история Греков и Римлян, или жизнь и деятельность античного мира, сводится к сумме разнообразных движений, составляющих поведение народных масс и отдельных личностей, и к сумме разнообразных актов сознания: представлений, понятий, стремлений и чувств, выражающих во внешнем поведении и обуславливающих его... Прошедшее сознательности, или история сознания, и есть собственный и неотъемлемый предмет филологии» [1, с. 25].

1. Аландский П. И. August Voeckh. Энциклопедия и методология филологических наук. – К.: Университетская типография И. И. Завадского, 1879. – 204 с.
2. Бласс Ф. Герменевтика и критика. – Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1891. – 194 с.
3. Габитова Р. М. «Универсальная» герменевтика Ф. Шлейермахера // Герменевтика: история и современность. – М.: Мысль, 1985. – 303 с.
4. Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
5. Горский В. С. Историко-философское истолкование текста. – К.: Наукова думка, 1981. – 270 с.
6. Земляной С. Н. Герменевтика и проблема понимания // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-70-х гг. XX века. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
7. Радиг С. И. Введение в классическую филологию. – М.: Издательство Московского университета, 1965. – 525 с.
8. Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1990. – С. 219–259
9. Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1991. – С. 215–255.